

- ⁷ Голос Крестьянского Союза. 1917. 9 августа. С. 2.
⁸ ГАРФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 38–60.
⁹ Народный социалист. 1917. № 34. 5 июля; № 36. 16 июля.
¹⁰ РГИА. Ф.857. Оп. 1. Д. 43. Л. 29.
¹¹ Народное слово. 1917. 7 июля.
¹² РГИА. Ф.857. Оп. 1. Д. 43. Л. 29.
¹³ Рабочий и солдат. 1917. 4 августа.
¹⁴ Революционное движение в России в августе 1917 года. М., 1959. С. 173.
¹⁵ Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 713.
¹⁶ Революционное движение в России в августе 1917 года. М., 1959. С. 422, 626.
¹⁷ Там же. С. 174–175, 177–178.
¹⁸ ГАРФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д.12. Л. 412–414; Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 4. М., 1991. С. 59.
¹⁹ ГАРФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 118–119 об.
²⁰ Народный социалист. 1917. № 33. 4 июля.
²¹ Народное слово. 1917. 23 июля.
²² Народное слово. 1917. 7 августа.

*О.В. Ягов**

К вопросу о создании правовой основы для ликвидации лжекооперации в советской России в годы НЭПа (по материалам Поволжья)**

НЭП, пришедший на смену «военно-коммунистическим» методам хозяйствования, вновь открыл дорогу частнокапиталистическим отношениям в торгово-промышленной сфере. На IV съезде совнархозов России в 1921 г. А.И. Рыков высказался в пользу разгосударствления ряда мелких и средних промышленных предприятий и передачи их отдельным обществам, кооперативам или отдельным лицам. Однако по мере восстановления экономики и укрепления позиций большевиков в партийно-государственных кругах все большую силу набирала тенденция на ограничение частного капитала в торговой и производственной сферах деятельности.

* © Ягов О.В., 2011

** Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (государственный контракт № П 663 от 10 августа 2009 года).

Первые атаки на частный капитал начались еще в условиях «военного коммунизма», когда в сентябре 1919 г. СНК издал декрет о перерегистрации производственных артелей, промышленных кооперативов, товариществ и всякого рода кустарных объединений и о праве участия в них. Издавая этот документ, власть стремилась перекрыть канал объединения кооператоров с частным капиталом, оторвать от его влияния кооперативное движение. Однако стремление государства вести борьбу с лжекооперацией привело к дезорганизации мелкой промышленности. И неудивительно, что очень многие органы местной власти, видя реальную полезность некоторых из числа так называемых лжекооперативов, отыскивали всевозможные пути обхода данного правительственного декрета.

В начале 1920-х гг. власть не скрывала своих намерений по поводу дальнейших «перспектив» частного капитала в условиях социалистического строительства. Уже в 1922 г. «Саратовские известия» писали: «Пусть же буржуазия знает, что только крайняя разруха и ненадежность производства заставляет Советскую власть мириться до поры до времени с частными промышленниками и нэпманами-шкуродерами»¹. На X Астраханской губпартконференции, состоявшейся 5 декабря 1922 г., было высказано предложение об ограничении кредитования частного капитала со стороны Госбанка².

Одновременно Совнарком принял ряд законопроектов, препятствовавших дальнейшему развитию частнокапиталистических начал. Например, разрешалось существование в обычном порядке частных предприятий только с числом не более 20 наемных рабочих. Налоговое законодательство было направлено на вытеснение частника из производственной сферы. По подсчетам известного специалиста в области изучения частного капитала в 1920-е гг. М.М. Жирмунского, посредством налогового обложения изымалось до 90 % доходов частных предпринимателей³. Современный уральский историк Л.В. Звонарева отмечает, что уже в начале НЭПа государственная налоговая политика носила классовый характер, направленный против частного капитала. Так, кооперативы платили 6–8 % с прибыли, а частный предприниматель — 28 %⁴. Поэтому вполне логично выглядел уход частного капитала из «легального бизнеса» в «теневой» через организацию лжекооперативов.

Санкт-Петербургский историк Ю.В. Братюшенко в одной из последних своих публикаций отмечает, что «нэпманы нередко создавали лжеартели и применяли “домашнюю” систему капиталистической эксплуатации “квартирников”, то есть рабочих, номинально числившихся самостоятельными производителями в качестве кустарей и ремесленников. В кооперативном движении активизировались лжекооператоры и происходило срастание с частником. Если для борьбы с первыми ужесточались разрешительный порядок их регистрации, налогообложение, контроль за производственной и финансовой деятельностью, то бороть-

ся с ложными кооперативами было сложнее, так как они не подлежали контролю со стороны государства»⁵.

Типичный случай описывал Астраханский губком партии, когда арендаторы, отказавшись от аренды, сколотили так называемую инвалидную артель и под ее вывеской арендовали то же предприятие⁶.

О лжекооперативности отдельных кооперативных объединений местная печать уже писала осенью 1921 г.: «Пройдешь по Пензе, и в глаза тебе бросается обилие кооперативных вывесок, кричащих плакатов «Заря», «Светлячок» и т. п. Начинаем наблюдать ту же печальную картину расцвета лжекооперации, какую мы наблюдали до издания декрета от 20 марта 1920 г. С лжекооперацией необходимо начать самую упорную борьбу и немедленно»⁷.

Проблема лжекооперативного уклона отдельных кооперативных объединений являлась важной для государственных и кооперативных органов на протяжении всего периода НЭПа. Это явление носило закономерный характер, так как частный капитал, вытесненный уже к началу 1920-х гг. из крупной и средней промышленности, мог какое-то время из-за несовершенства законодательства существовать в кооперативной форме. Кроме того, государство предоставляло кооперации различные льготы: отпуск и распределение промышленного сырья, дефицитных товаров, налоговые льготы и т. д., что также делало привлекательными кооперативы для частных предпринимателей.

Секретарь Саратовского Кустпромсоюза Д.И. Величай отмечал, что существующее законодательство способствовало возникновению лжекооперативов. В частности, «допущение в кооперативах 20 % рабочих и служащих по найму зачастую превращает их в лжекооперативы», писал он в своем отчете⁸.

Условно можно выделить два вида действовавших лжекооперативов: организованные изначально с целью мошенничества и приобретающие лжекооперативный уклон уже в процессе деятельности. В организационном плане практически для всех лжекооперативов было характерным нарушение процедуры выборности членов правления. Как правило, они назначались председателем из удобных ему лиц. Признаками лжекооперативности кооперативных объединений в практике 1920-х гг. считались их замкнутый (семейный) характер, тесная связь с частником, выдача большей части прибыли на руки членам, а также отсутствие общественного контроля и подотчетности руководящим органам.

В Поволжье в ходе обследования кооперативной сети наблюдались случаи, когда кооперативы после 2–3-летнего существования не имели собственных капиталов.

В декабре 1921 г. Саратовский Губкустпром провел обследование кооперативной сети, в ходе которого было выявлено большое количество лжекооперативов. Они, как правило, финансировались 2–3 лицами, а члены кооператива фактически являлись наемными рабочими.

Подобная картина наблюдалась не только в рассматриваемом регионе, но и по стране в целом.

В этой связи СНК СССР 31 декабря 1923 г. издал инструкцию о проверке всех кооперативных объединений для выявления лжекооперативов. Но ввиду отсутствия критериев для определения того, деятельность какого кооператива признавать лжекооперативной, эта работа в первой половине 1920-х гг. встречала определенные сложности.

В 1926 г. у законодателя возобладало стремление затруднить частным предпринимателям конкуренцию с кооперативными предприятиями. В соответствии с Положением о подоходном налоге, принятом 24 сентября 1926 г.⁹, на основе классового принципа была проведена реформа подоходного и промыслового налогов. В результате доля налогов в доходах предпринимателей за 1926/27 хозяйственный год выросла до 47 %, а доля их чистого накопления снизилась с 26 до 22,9 %.

Подоходное обложение предпринимателей по новым ставкам достигало 31–45 %, а с местной надбавкой – 38,5–57,5 %¹⁰. Кроме налогового прессинга, государство запрещало кредитование и предоставление услуг железнодорожного транспорта частным лицам. Обычной практикой во второй половине 1920-х гг. было изъятие патентов у зажиточных предпринимателей.

В таких условиях закономерным выглядело сокращение частных предприятий. Так, в Пензенской губернии их доля в 1924/25 хозяйственном году составляла 16,9 %, а в 1926/27 хозяйственном году снизилась до 7,2 %¹¹.

Таким образом, налоговый пресс и другие репрессивные методы были доведены до такого предела, дальше которого лежала «невозможность хозяйственной деятельности частного капитала»¹².

Частные предприниматели для продолжения своей деятельности в таких условиях продолжали преобразовывать свои предприятия в кооперативы и артели. Губотдел союза пищевиков, обращаясь в Самарский ГСНХ, сообщал, что частные предприниматели табачной фабрики «Экспресс» ведут работу по реорганизации управления фабрики, подбирают других частников для создания из фабрики трудовой промысловой артели, и просил не регистрировать эту группу¹³.

Активизация деятельности частных предпринимателей в кооперативно-организационной форме заставила Всекопромсоюз издать 13 февраля 1925 г. специальную инструкцию, по которой лжекооперативами признавались артели и товарищества в случае присутствия в составе их учредителей лиц, лишенных законодательством права участвовать в руководящих органах кооперации; преобладающего влияния в них капиталистических (кулацких) элементов, «использующих кооперативную форму в своих классовых интересах», или направлении деятельности «в сторону, противную интересам социалистического строительства». При на-

личии указанных признаков и невозможности их устранения лжекооперативы подлежали ликвидации¹⁴.

Явочный порядок организации артелей, заключающийся в простой регистрации вновь возникших артелей, способствовал возникновению лжекооперативов. В этой связи Центральный кооперативный совет поставил перед кооперативными центрами задачу по совершенствованию форм и методов борьбы с лжекооперацией. Как сказано в директиве ЦКС «О лжекооперативах и о мерах борьбы с ними», утвержденной в 1927 г.: «Вопрос о лжекооперативах уже давно возник в кооперативной среде и борьба с этим злом поставлена в порядок дня всеми коопцентрами...»¹⁵

ЦКС разослал в кооперативные центры анкеты, в которых им были поставлены следующие вопросы:

- а) необходимо ли увеличение числа членов для учреждения кооперативов первой степени;
- б) следует ли внести ограничения относительно родства учредителей;
- в) целесообразно ли внести ограничения в явочную систему учреждения кооперативов¹⁶?

Всекопромсоюз в своем ответе посчитал необходимым сохранение минимума для образования кооператива в 5 человек, для производственных артелей — в 10 человек, для складочно-сырьевых и кредитно-промысловых — в 50 человек. Также Всекопромсоюз предложил:

- а) ограничить вхождение в кооперативы лиц, принадлежащих к одной семье;
- б) ввести закон об обязательной ревизии кооперативных объединений;
- в) усилить уголовную ответственность руководителей лжекооперативов; и другие меры¹⁷.

Местные кооперативные советы, в частности Сталинградский и Пензенский, сообщали в ЦКС, что лжекооперативы сосредоточены в основном в сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации. Причем в Пензенской губернии одной из основных причин перехода низовой сети на лжекооперативные начала называлось слабое хозяйственное обслуживание кооперативов со стороны губернского Кустарсоюза, который работал в области снабжения и сбыта лишь с 36 % артелей¹⁸.

Пензенский губернский кооперативный совет в мае 1926 г. направил циркулярное письмо «О лжекооперативах Пензенской губернии» в Центральный кооперативный совет, в котором предлагал выделить следующие признаки лжекооперативов:

- 1) небольшой количественный состав кооператива;
- 2) родственные связи, особенно между членами выборных органов;
- 3) замкнутость кооператива;
- 4) высокий паевой взнос;

- 5) спекуляция в хозяйственной деятельности ради личной наживы;
- 6) самостоятельное хозяйничание руководителей и плохая отчетность¹⁹.

Всекомпромсоюз в специальном письме от 3 января 1927 г., направленном в местные кооперативные союзы, остановился на вопросе о борьбе с лжекооперативами. К числу лжекооперативов должны были быть отнесены: организации, во главе которых стоят частные предприниматели; небольшие организации «семейного» типа, например, состоящие из семи членов, трое из которых являются близкими родственниками; первички — формально кооперативного характера, но эксплуатирующие наемных рабочих; и т. д. Также признаками лжекооперативности предлагалось считать относительно высокий размер паевого взноса, преграждающий доступ в кооператив трудящихся, отклонение от устава, высокое вознаграждение руководителей кооператива за их труд, запутанная отчетность и т. д.²⁰

Выявление лжекооперативов должно было осуществляться как силами инструкторского аппарата, так и с помощью госорганов. Создание нормативной базы и выявление всех основных признаков лжекооперативных уклонов позволили поставить перед кооперативными союзами задачу по проведению широкой кампании, преследующей цель ликвидации лжекооперативов.

К развернувшейся кампании были привлечены и средства массовой информации. «Кооперативная жизнь» в одном из номеров на первой полосе писала: «Кооперативная система и кооперативные советы должны использовать весь свой хозяйственный и общественный вес, все свои организационные связи для того, чтобы в полном контакте и согласии с партийными и советскими органами стереть с лица земли лжекооперативную заразу»²¹.

В течение 1926–1927 гг. в Поволжье была произведена чистка кооперативной сети, в результате которой часть кооперативов была ликвидирована. В ходе чистки привлекалось к ответственности руководство артелей за несоблюдение устава, кооперативы исключались из союзов, параллельно усиливалась инструкторская работа.

В 1926 г. состоялся III съезд налоговых работников Среднего Поволжья, на котором было принято решение о расширении прав финансовых и налоговых инспекторов, которые могли признать деятельность любого кооператива лжекооперативной и, соответственно, ликвидировать его путем увеличения налогообложения и лишения кредитов²².

Вопрос о возможностях усиления контроля за деятельностью частного капитала с целью сокращения его деятельности был рассмотрен на заседании НК РКИ СССР в июле 1927 г. На основании заслушанного доклада Ю. Ларина «Пути использования частным капиталом кредитных организаций торговли и кустарно-промышленной кооперации» 7 июля 1927 г. было принято постановление НК РКИ СССР, в значи-

тельной степени ограничивающее деятельность частных предпринимателей в кустарно-ремесленной промышленности²³.

Кустарно-промышленной кооперации официально запрещалось пользоваться услугами частных предпринимателей в качестве торговых агентов в области закупки сырья, материалов и готовых изделий, а также сбывать свои товары в какой бы то ни было форме на частный рынок и пользоваться кредитами обществ взаимного кредита, объединявших частные капиталы.

В целях борьбы с теневым капиталом была нарушена «тайна» почтовых посылок, банковских сделок и т. д. Для более успешного выявления налоговыми организациями скрытой работы частного капитала, в том числе и в кооперации, ОГПУ и НКФ был разработан ряд административно-правовых мер репрессивного характера.

В 1927 г. был принят еще один судьбоносный документ, ускоривший ликвидацию частного капитала. В августе в губерниях Поволжья было получено секретное постановление НКФ № 87/Ц от 9 августа 1927 г. «Об усилении надзора за деятельностью кредитно-промышленных товариществ». Их работа по финансированию была признана не отвечающей «требованиям времени». Было также отмечено, что они слишком финансируют частный капитал.

В свете этого постановления местные органы власти разрешили кооперативам финансировать только своих членов, а также государственные и кооперативные организации. Кроме того, этим документом устанавливались предельные нормы кредитования отдельных членов низовой сети кооперации²⁴.

В 1928 г. началось новое наступление на лжекооперацию. Правительствам союзных республик предлагалось установить «уголовную ответственность предпринимателей, образующих частнокапиталистические предприятия под видом кооперативных организаций».

Для выявления и ликвидации фиктивных артелей и товариществ ВСНХ СССР 12 июня 1928 г. был направлен на места циркуляр, предписывающий ГСНХ установить систематическое наблюдение за действующими и вновь возникающими кооперативными объединениями²⁵. Также усиливался налоговый пресс на кооперативы, не входящие в союзные объединения.

27 ноября 1928 г. было принято постановление СНК СССР «О мерах борьбы с лжекооперацией»²⁶. На основе данного постановления Всесоюзный разработал новую инструкцию «О мерах борьбы с лжекооперативами», по которой лжекооперативами признавались как входящие, так и не входящие в кооперативную систему кооперативы при наличии:

а) в числе их учредителей или членов выборных органов лиц, которым это запрещено законом;

б) преобладающего в организации влияния капиталистических (кулацких) элементов, использующих кооперативную форму в своих классовых целях;

в) деятельности, уклоняющейся в сторону, противную интересам социалистического строительства²⁷.

Как видим, властные органы могли подвести под условия этой инструкции при желании практически любой кооператив, признать его лжекооперативным и закрыть.

В декабре 1928 г. СНК СССР принял еще одно постановление, в котором более четко определялись черты лжекооперативов. К ним были отнесены объединения, в которых «преобладало влияние частных предпринимателей и других социально чуждых элементов, проникших в состав учредителей и выборных органов, или в которых кооперативная форма служила прикрытием капиталистической деятельности». Такие организации, «засоренные социально чуждыми элементами», подлежали роспуску.

Постановление рекомендовало оздоровить обстановку в трудовых артелях путем проведения перевыборов правлений, исключения из них лиц, лишенных избирательных прав.

В сентябре 1929 г. было принято специальное дополнение к статье 129 Уголовного кодекса РСФСР, согласно которому учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов каралось лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества. Участие в работе лжекооперативных организаций лиц, заведомо знавших, что данная организация является лжекооперативной, и извлекающих из этого участия предпринимательскую прибыль или заведомо содействовавших сокрытию действительного характера названной организации, наказывалось лишением свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года²⁸.

На 1930 г. пришла завершающая стадия чистки кооперации. В законе «О недопущении кулаков и лиценцев в кооперацию», утвержденном ЦИК и СНК СССР 13 ноября 1930 г., устанавливались правовые ограничения для частных лиц в кооперативной жизни. Через десять дней, 23 ноября 1930 г., союзное правительство напрямую указало на необходимость решительного «очищения» артелей и кооперативов от частных. Кооперативы, в рядах которых числились частные владельцы, считались лжекооперативами.

Таким образом, в годы НЭПа в условиях наступления государства на частный капитал в торговле и промышленности приемлемой нишей для его деятельности оставалась кооперативная организационная форма. Несовершенство кооперативного законодательства, а также слабое представление фискальных органов в определении того, деятельность какого кооператива признавать лжекооперативной, позволяли частным предпринимателям успешно скрываться под кооперативной вывеской вплоть до конца 1920-х гг.

В конечном итоге закрытие лжекооперативов и вытеснение частного капитала из торговой и производственной сфер на завершающей стадии НЭПа практически ликвидировало всякое влияние рыночных отношений на кооперативное строительство. К сожалению, в основе ликвидации предпринимательских начал лежали далекие от экономической целесообразности чисто политические цели.

Примечания

¹ Саратовские известия. 1922. 17 октября.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 14. Д. 26. Л. 52 об.

³ См.: Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 164.

⁴ Звонарева Л.В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников Урала и Зауралья в условиях новой экономической политики (1921–1927 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. С. 18.

⁵ Братющенко Ю.В. НЭП: государство, частник, кооперация // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 12.

⁶ Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов. М., 1978. С. 77.

⁷ Трудовая правда. 1921. № 76. С. 3.

⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р. 55. Оп. 1. Д. 388. Л. 70 об.

⁹ СЗ. 1926. № 64. Ст. 484.

¹⁰ Лютов Л.Н. Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху НЭПа. Ульяновск, 2002. С. 55.

¹¹ Лившиц А.Э., Уразова С.А. Частное предпринимательство в промышленности в годы НЭПа (по материалам Среднего Поволжья) // Юриспруденция: межвузовский сб. науч. ст. Тольятти, 1995. № 2. С. 5.

¹² Мингулин И. Пути развития частного капитала. М. Л., 1927. С. 127.

¹³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 411. Оп. 2. Д. 316. Л. 385.

¹⁴ Сборник постановлений о промысловой кооперации и кустарной промышленности. Постановления правительства Союза ССР и Союзных республик. М., 1930. С. 226.

¹⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р. 950. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3986. Оп. 1. Д. 350. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Пивоваров И.В. Состояние и нужды кустарных промыслов в Пензенской губернии // Вестник промысловой кооперации (ВПК). 1927. № 3. С. 39.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 334. Л. 194.

²⁰ Там же. Л. 36.

²¹ См.: ВПК. 1928. № 2. С. 66.

²² Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья). М., 2001. С. 252.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 81. Л. 1–66.

²⁴ Пролетарский путь. 1925. 13 декабря.

²⁵ Сборник постановлений о промышленной кооперации и кустарной промышленности. Постановления правительства Союза ССР и Союзных республик. М., 1930. С. 60–62.

²⁶ Известия ЦИК СССР. 1929. 13 января.

²⁷ Инструкция Всекопромсоюза «О мерах борьбы с лжекооперативами» // ВПК. 1929. № 3. С. 90–91.

²⁸ Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. С. 197.

*Е.К. Минеева**

Особенности формирования и развития РСФСР как проявление национальной политики советской власти в 1920–1930-е гг.

Повышенная революционность масс в начале XX в. явилась итогом политического, социально-экономического и культурного развития Российской империи, внутренней и внешней политики самодержавия. Национально-освободительное движение занимало в оппозиционности российского общества далеко не последнее место. Одной из существенных особенностей страны являлась его полиэтничность, формировавшаяся исторически. Более 165 млн человек, населявших ее в 1913 г., говорило не менее чем на 150 языках и наречиях. Народы России имели исторические корни в виде территории, языка, культуры, самосознания, взаимных отношений. Как правило, большинство из них находилось на низкой ступени политического, социально-экономического и культурного развития.

Отсюда закрепившийся в период самодержавия, использовавшийся по отношению к нерусским этносам и получивший всеобщее распространение термин – «инородцы». Само слово, произошедшее от «инородный» или принадлежавший другому роду, не имело унижительного смыслового значения. Первоначально содержание данного понятия в основном определяло нехристианскую природу входивших в состав России народов, имевших отношение главным образом к язычеству. По спра-

* © Минеева Е.К., 2011